
«XX ғасырдағы ресейлік бардтардың шығармашылығындағы пушкиндік бағыттары мен реминисценциялары» атты мақалада А.Галич және В.Высоцкийлардың еңбектері мен Пушкиннің шығармашылық мәтіндеріне салыстырмалы талдау жасалған.

The article "Pushkin's motives and reminiscences in the creative work of the Russian bards of the XX century" presents comparative analysis of Galich's and Vysotskiy's poetry with Pushkin's texts.

УДК 82.09:821.161.1Р

Винник Р.Э.

ст. преподаватель, ЗКТУ им. М.Утемисова

ПУШКИНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОЭЗИИ Д.САМОЙЛОВА

Выдающийся философ XX века С.Франк справедливо писал о необходимости изучения пушкинского наследия: «Пушкин, как всякий истинный гений, живет в веках. Он не умирает, а, напротив, не только вообще продолжает жить в национальной памяти, но именно в смену эпох воскресает к новой жизни. Каждая эпоха видит и ценит в нем то, что ей доступно и нужно, и потому новая эпоха может открыть в его духовном образе то, что оставалось недоступным прежним». [5; 396]

Эти слова с полным правом можно отнести к творчеству Давида Самойлова, в лирике которого наиболее ярко проявляются пушкинские мотивы. Недаром сам писатель причислял себя к поэтам «поздней пушкинской плеяды».

Уже раннее стихотворение Д.Самойлова «Старик Державин» ассоциируется у читателя со знаменитыми строчками А.С.Пушкина:

«Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.»

Но Самойлов показывает судьбу молодого поколения, на долю которого выпали тяжелейшие испытания военных лет. В то время многие молодые литераторы прямо со студенческой скамьи ушли на фронт, некоторые из них погибли, так и не успев реализовать свой поэтический дар.

Вот как об этом пишет поэт:

Рукоположения в поэты
Мы не знали. И старик Державин
Нас не заметил, не благословил...

В эту пору мы держали
Оборону под деревней Лодвой.
На земле холодной и болотной
С пулеметом я лежал своим.

Критик Игорь Шайтанов отмечает: «Разговор о поэзии Самойлова так или иначе выводит к имени Пушкина. Пушкинские ассоциации часты... Полуцитата, обрывок интонации, намек – они определяют тон, но сами тотчас же растворяются, поглощенные движением стиха.» [4;11]

Точная цитата из стихотворения Пушкина «Читатель ждет уж рифмы «розы» из стихотворения Д.Самойлова «Мороз» отсылает нас к лирике гениального поэта, поражающей легкостью, изяществом, меткой рифмой, своей игрой с понимающим читателем, и в то же время подчеркивает неповторимость индивидуальности самого Самойлова:

Повторов нет! Неповторимы
Ни мы, ни ты, ни я, ни он.

Неповторимы эти зимы
И этот легкий ковкий звон,

И нимб зари округ березы,
Как вокруг апостольской главы...
Читатель ждет уж рифмы «розы»?
Ну что ж, лови ее лови!

Своеобразны реминисценции из пушкинского стихотворения «К Чаадаеву» в произведении Давида Самойлова «Пушкин по радио».

Читали Пушкина.

Вокруг

Сновали бабы и солдаты,
Шел торг военный, небогатый
И вшивый клокотал майдан.
Гремели на пути составы.
«Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман».
Мы это изучали в школе
И строки позабыли вскоре –
Во времена боев и ран.

Сначала строчки пушкинских стихов вспоминаются как некое абстрактное воспоминание об изучении классики в школе.

Но неожиданно стихи поэта обрастают живой плотью и кровью самой жизни, наполняясь новым смыслом для юноши, оказавшегося в пекле войны:

Вокзал взрывался как вулкан.
И дымы поднялись курчавы.
«Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман».

В стихотворении Д.Самойлова «Над Невой» явно повторяются мотивы прославления новой столицы России в «Медном всаднике». Вспомним величавые строки Пушкина, воспевшие славное детище Петра I:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит..

В произведении Д.Самойлова мы также видим восхищение человеческим гением, создавшим чудесный город с классическими архитектурными линиями, олицетворяющими государственную мощь державы:

Весь город в плавных разворотах,
И лишь подчеркивает даль
В проспектах, арках и воротах
Классическая вертикаль.

И все дворцы, ограды, зданья,
И эти львы, и этот конь
Видны, как бы для любованья
Поставленные на ладонь.

И плавно прилегают воды
К седым гранитам городским –
Большие замыслы природы
К великим замыслам людским.

В стихотворении «Пестель, поэт и Анна» Самойлов противопоставил лидера декабристов Пестеля с его холодным, рассудочным умом, мечтавшего переде-

лать общество с помощью социального переворота, и пылкого поэта, живо откликающегося на те проявления подлинного искусства, которые невольно волнуют сердце.

Там Анна пела с самого утра
И что-то шила или вышивала
И песня, долетая со двора,
Ему невольно сердце волновала.
А Пестель думал: «Ах, как он рассеян!
Как на иголках! Мог бы хоть присесть!
Но, впрочем, что-то есть в нем, что-то есть.
И молод. И не станет фарисеем».

Пестель говорит Пушкину о необходимости равенства сословий, изменения основ власти, а Пушкин прислушивается к голосу самой жизни:

За окном
Не умолкая распевала Анна.
И голос был высок: вот-вот сорвется,
А Пушкин думал: «Анна! Боже мой!»

Мудрость Пушкина, понимавшего, что жизнь можно изменить к лучшему лишь эволюционно, в этом стихотворении передается через интуицию гениально одаренного человека. Это произведение напоминает о мыслях А.С.Пушкина, выраженных в путевом очерке «Путешествие из Москвы в Петербург»: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...»

Размышляя о русской истории, Д.Самойлов обращается к образу Пугачева. Изображение предводителя народного восстания, потрясшего всю Россию времени царствования Екатерины II, во многом перекликается с пушкинской традицией. Стихотворение «Конец Пугачева» ассоциируется у читателя с трактовкой фигуры Пугачева в «Капитанской дочке», где автор произведения изобразил его не только жестоким на расправу с дворянством крестьянским лидером, но и показал способность этого человека к великодушию, умению ответить благодарностью за добро. Произведение Д. Самойлова кажется своеобразной иллюстрацией реплики Пугачева из повести «Капитанская дочка»: «Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают... при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою»:

Как прощался он с Устиньей,
Как коснулся алых губ,
Разорвал он ворот синий
И заплакал, душегуб:

Ты зови меня Емелькой,
Не зови меня Петром.
Был, мужик, я птахой мелкой,
Возмечтал парить орлом.

Предадут меня сегодня,
Слава богу – предадут.
Быть (на это власть господня!)
Государем не дадут...»

Как его бояре встали
От тесового стола.
«Ну, вяжи его, - сказали, -
Снова наша не взяла».

Как и многие исследователи творчества А.С.Пушкина, Д. Самойлов считал повесть «Капитанская дочка» основополагающим произведением русской прозы

XIX века, положившим начало правдивому изображению народной жизни в один из кульминационных моментов ее исторического развития. Эти мысли подчеркнуты в произведении «Стихи и проза»:

Мужицкий бунт – начало русской прозы.
Не Свифтов смех, не Вертеровы слезы,
А заячий тулупчик Пугача,
Насильно снятый с барского плеча.

Мужик бунтует против всех основ,
Опровергая кесаря и бога.
Немая Русь, обильна и убога,
Упрямо ищет сокровенных слов.

Ю.М. Лотман писал: « Годы, когда Пушкин создавал только стихи или преимущественно стихи, помогли ему выработать особую манеру письма – сгущенного, лаконичного, отвечающего многими смысловыми оттенками. А удивительный дар его отыскивать единственное слово, а ритм литературной речи, ее музыкальность? Все эти качества отмечаем при чтении не только стихов, но и «Капитанской дочки», «Повестей Белкина», других сочинений». [1; 64]

Восхищаясь исключительной простотой, лаконизмом, точностью, безыскусственностью стиля прозаических произведений Пушкина, Самойлов восклицал:

Учусь писать у русской прозы,
Влюблен в ее просторный слог,
Чтобы потом, как речь сквозь слезы,
Я сам в стихи пробиться мог.

Красота, как высшая гармония, перед которой благоговеет простой смертный, воспета Пушкиным в стихотворении «Красавица». Вспомним знаменитые пушкинские строки:

Куда бы ты не поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце не питал
Ты сокровенное мечтанье, -
Но, встретясь с ней, смущенный ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговей богомольно
Перед святыней красоты.

Стихотворение Д.Самойлова «Красота» развивает тему, предложенную А.С.Пушкиным. поэт пытается разгадать тайну красоты и ее магического воздействия на людей:

Она как скрипка на моем плече.
Что знает скрипка о высоком пенье?
Что я о ней? Что пламя о свече?
И сам господь – что знает о творенье?
Ведь высший дар себя не узнает.
А красота превыше дарований –
Она себя являет без стараний
И озарять собой не устает.

Оправдание жизни поэта – его высший творческий дар, который он без остатка отдает людям. Эта мысль Д.Самойлова выражена в подтексте стихотворения «Михайловское»:

Деревья пели, кипели,
Переливались, текли,
Качались, как колыбели,
И плыли, как корабли.

Всю ночь, до самого света,
Пока не стало светло,
Качалось сердце поэта –
Кипело, пело, текло.

В произведении «Два стихотворения» Д.Самойлов размышляет о безвременной трагической гибели А.С.Пушкина от руки Дантеса и бессмертия его творчества:

Он заплатил за нелюбовь Натальи.
Все остальное – мелкие детали:
Интриги, письма – весь дворцовый сор.
Здесь не ответ великосветской черни,
А истинное к жизни отвращенье,
И страсть, и ярость, и души разор.

О нравственном наследии творчества Пушкина интересно размышляет известный пушкиновед Б.М.Мейлах. Он пишет: «Для поэта совесть – первостепенный критерий нравственной чистоты, свойство, безраздельно спаянное с такими высокими качествами, как гражданский долг, правдивость, способность к самопожертвованию во имя великой цели». [3; 106]

Те же нравственные качества находит читатель в поэзии Давида Самойлова, который после смерти Анны Ахматовой написал стихи, призывающие современных поэтов ориентироваться в своем творчестве на высокие образцы классической поэзии:

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нет у их. И все разрешено.

В стихотворении «Болдинская осень» Д.Самойлов обращается к образу Пушкина, показывая его в минуты наивысшей творческой активности, когда вдохновение приводит к духовному взлету, гармонии мысли и чувства, согласию с самим собой.

Везде холера, всюду карантин,
И отпущенья вскорости не жди.
А перед ним пространные картины
И в скудных окнах долгие дожди.
Но почему-то сны его воздушны,
И словно в детстве – бормотанье, вздор.
И почему-то рифмы простодушны,
И мысль ему любая не в укор.
Какая мудрость в каждом сочлененье
Согласной с гласной! Есть ли в том корысть!
И кто придумал это сочиненье!
Какая это радость – перья грызть!
Быть, хоть ненадолго с собой в согласье
И поражаться своему уму!
Кому б прочесть – Анисье иль Настасье?
Ей-богу, Пушкин, все равно кому!

Поэзия требует от поэта полной самоотдачи, жертвенного служения во имя идеалов добра и справедливости, ради таких строк, которые не оставят читателя равнодушным:

Надо себя сжечь
И превратить в речь.
Сжечь себя дотла,
Чтоб только речь жгла.

Невольно вспоминаются знаменитые пушкинские строки: «Глаголом жги сердца людей». И сам поэт, причисляя себя к наследникам пушкинской традиции, к поэтам «поздней пушкинской плеяды», пишет:

Пусть нас увидят без возни,
Без козней, розни и надсады.
Тогда и скажется: «Они
Из поздней пушкинской плеяды».
Я нас возвысить не хочу.
Мы – послушники ясновидца...
Пока в России Пушкин длится,
Метелям не задуть свечу.

Критик И.Шайтанов справедливо писал о поэзии Самойлова: «Палимпсест – это слово кажется лишь однажды мелькнуло в стихах Самойлова, но напрашивается как верное определение его метода поэтической работы и культурного мышления: палимпсест – «древняя рукопись, написанная на писчем материале после того, как с него счищен прежний текст».

Старый текст очищен, но проступает сквозь новый, что-то рассказывает, о чем-то напоминает. Напоминает прежде всего о том, что все однажды бывшее в жизни, в культуре, в истории – неуничтожимо. Даже невидимое и забытое, оно готово проступить, обнаружиться, врезаться в память, входит в поэтический образ». [4; 19]

Д.Самойлову было дано и острое чувство истории России, и умение отразить наше трудное, противоречивое время, но именно пушкинская школа давала поэту возможность не только продолжить великие традиции русской литературы, но и находиться в вечно новом поиске добра и красоты. Творчество Д.Самойлова подтверждает замечательный тезис литературоведа Ю.М.Лотмана, сказавшего об авторе «Евгения Онегина» так: «Пушкин всегда таков, каким он нужен новому поколению читателей, но не исчерпывается этим, остается чем-то большим, имеющим свои тайны, чем-то загадочным и зовущим» [1; 64].

Список использованной литературы:

1. Лотман Ю.М. Пушкин в 1999. Каким он будет? // Таллин, 1987, №1.
2. Макогоненко Г.П. Творчество А.С.Пушкина в 1830-е годы. Л., 1982.
3. Мейлах Б.С. ...Сквозь магический кристалл... М., 1990.
4. Шайтанов И. О времени слышнее весть // Давид Самойлов. Избранные произведения. М., 1989
5. Франк С. Пушкин как политический мыслитель. // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.

Бұл еңбекте Ұлы Отан соғысының зардабын шеккен жас ұрпақтың тағдыры, азаматтық жауапкершіліктің проблемасы, халыққа мәдениеттік еңбек көрсету, қоғам дамуының тарихи жолдары бейнеленген.

The article "Pushkin's reminiscences in Samoylov's poetry" presents the way how by means of Pushkin's cultural traditions David Samoylov resolves in his lyrics some problems such as: the fortune of young generation undergoing terrible ordeals during The Great Patriotic War, civic duty, the historical ways of progress of society.